

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2003 г.

В V томе новой серии Полного собрания русских летописей переиздаются тексты псковских летописей, подготовленные в свое время А. Н. Насоновым и вышедшие отдельным изданием в 1941–1955 гг.¹; в Приложении помещено также специальное исследование А. Н. Насонова, посвященное истории псковского летописания². В старой серии Полного собрания русских летописей псковские летописи публиковались в составе V тома (СПб., 1848: Псковская 1-я летопись) и VI тома (СПб., 1851: Псковская 2-я летопись). А. Н. Насонов значительно расширил археографическую базу, выявил списки, имеющие принципиальное значение для истории псковского летописания. В итоге исследователь разделил все известные псковские летописи на три: Псковскую 1-ю (списки Тихановский, Архивский I и др.), Псковскую 2-ю (Синодальный список) и Псковскую 3-ю (Строевский и Архивский II).

Псковская 1-я летопись, в свою очередь, сохранилась в нескольких редакциях. По заключению А. Н. Насонова, древнейшая редакция представлена Тихановским списком, доведенным до 1469 г. Но следует заметить, что Тихановский список относительно поздний (XVII в.), и насколько органично его окончание на 1469 г. — предстоит еще выяснить.

Чрезвычайно интересна (с литературной и чисто исторической точек зрения) редакция, доведенная до 1547 г., в основание которой (до 1446 г.) положена Новгородская 5 летопись. А. Н. Насонову остались неизвестными ряд дополнительных списков, среди которых важнейшим является список из Варшавской Национальной библиотеки, собр. Майората Замойских, № 78³. Сборник переписан для псковской соборной церкви Троицы в 7056 г., т. е. в 1547/1548 гг. — и этим определяется особая ценность рукописи: она является либо оригиналом свода, либо списком, очень близко отстоящим от времени его создания. Однако взаимоотношения Варшавского списка с другими списками свода 1547 г. до сих пор не выяснены. Безусловно, Варшавский список должен быть опубликован и тщательно проанализирован.

Псковская 2-я летопись представлена единственным Синодальным списком (ГИМ, Синодальное собр., № 154). Поскольку Синодальный список является древнейшим среди псковских летописных памятников, следует дать его уточненное описание (в исследовании А. Н. Насонова не все водяные знаки рукописи определены правильно). Рукопись Син. № 154 — в 1^о, на III + 307 + I листах. Переплетные листы со знаком Башни с литерой S — Гераклитов, № 46 (1649–1650 гг.), № 48 (1650–1651 гг.). На внутренней стороне верхней крышки переплета (на подклеенном листе) запись XVII в.: «Книга лѣтописецъ Кирилова монастыря, переплет[ен] вновь, без начала». На чистом л. I запись XVIII в.: «Из Типографских, книга (другим почерком написано, а затем зачеркнуто «4-я») 3-я». По нижнему полю первых листов запись XVII в.: «Книга лѣтописецъ

Кирилова монастыря Бѣлозерского». Текст на л. 1–307 писан одним почерком в два столбца.

Филиграни Синодального списка: 1) Гербовый щит, рассеченный на четыре части, с двумя понтюзо (л. 1–105, 154–156, 159–185, 194–201, 203–208, 210–224, 240–255, 280–305 (кроме л. 290–293)) – Брике, № 1654 (1480–1484 гг.); 2) Голова быка под стержнем с перекрестием, два варианта (л. 106–153, 186–193, 202–209, 225–239) – Пиккар, VII, № 707, 708 (1479–1486 гг.); 3) Буква У под крестом (л. 157–158, 306–307) – Лихачев, № 1060 (1485 г.); 4) Монограмма в круте (л. 256–279, 290–293) – Брике, № 9565 (1477–1480 гг.). Таким образом, по водяным знакам рукопись Син. № 154 датируется серединой 80-х годов XV в.

Псковская 2-я летопись в Синодальном сборнике расположена на л. 154–224 об., но в заключительной тетради последний лист оказался утраченным⁴, и текст обрывается под 1486 г. на словах «мѣсяца марта в 6 день бысть...». Поскольку утрачен только один лист, то можно предполагать, что летописный текст и был доведен до 1486 г. В сочетании с показаниями водяных знаков указанное обстоятельство позволяет прийти к выводу, что в рукописи Син. № 154 сохранился *оригинал Псковской 2-й летописи* (или список, чрезвычайно близкий к времени составления всего свода)⁵.

После открытия новых списков Псковских летописей, очевидно, соответствующий археографический обзор следует написать заново, причем необходимо учесть данные последних палеографических справочников. В уточнении нуждается и текстологическая схема происхождения древнейших псковских летописных сводов, предложенная А. Н. Насоновым. Правда, выдвинутые Г.-Ю. Грабмюллером⁶ гипотезы о существовании псковских сводов XIV и первой половины XV в. едва ли оправданы⁷, уверенно можно лишь предполагать наличие псковского летописного источника у Общерусского митрополичьего свода 1418 г. – следовательно, начала XV в.⁸ Дошедшие же до нашего времени псковские летописи составлены на основе некоего летописного памятника уже второй половины XV в., поскольку испытали влияние Краткого новгородского летописца типа Летописца епископа Павла (а также «Летописи Аврамки», или Рогожского летописца). Во всяком случае история псковского летописания заслуживает нового, обобщающего исследования.

Б. М. Клосс
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Примечания

¹ Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Н. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

² *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18. С. 255–294.

³ О Варшавской рукописи см.: *Рогов А. И.* Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши // *Studia Zrodloznawcze*. 1969. Т. 14. S. 153–154; Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики / Сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 19–22.

⁴ Этот факт не отмечен А. Н. Насоновым.

⁵ А. Н. Насонов, наоборот, настаивал на том, что список Син. № 154 **не** является подлинником Псковской 2-й летописи, а представляет **копию** конца XV в.

⁶ *Grabmüller H.-J.* Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.-15. Jahrhundert. Schriften zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. X. Wiesbaden, 1975.

⁷ См. рецензию Я. С. Лурье на работу Г.-Ю. Грабмюллера: *Russia Mediaevalis*. München, 1977. Т. 3. S. 83–92; *Охотникова В. И.* Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 27–30.

⁸ *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 100. В данной работе Я. С. Лурье еще следует ошибочным представлениям о создании Общерусского митрополичьего свода в 1448 г.

Из истории псковского летописания*

А. Н. Насонов

I

Воссоздание истории летописания является, в сущности, основной задачей изучающего наши древние летописные своды. Работа начинается с изучения дошедших до нас списков, определения копий и оригиналов, определения их взаимоотношения. Если дело идет о восстановлении летописных сводов, например тверских, не дошедших до нас ни в одном списке, то работа начинается с изучения списков тех сводов разного происхождения и состава, которые сохранили в себе, фрагментарно или в виде материала, переработанного составителем, изучаемый летописный материал. Если изучаемая летописная традиция сохранилась во многих списках, то изучение последних может представить специальную задачу. Такую задачу в отношении псковского летописания пытались мы решить в книге «Псковские летописи», т. I (1941). Но это только первый шаг в изучении летописания. Дальнейшая работа заключается в восстановлении не дошедших до нас сводов на конкретном материале дошедших. Такая работа должна в конечном счете раскрыть историю летописания, объяснить как дошедшие, так и восстанавливаемые летописные своды.

Задача воссоздания и с т о р и и летописания диктуется самым предметом исследования. Древнерусское летописание представляется крупным явлением эволюционного порядка не потому или, вернее, не только потому, что летописные своды строились на основе предшествующих, старых, и таким образом создавались сложные по составу летописные труды, вбиравшие в себя предшествующую летописную традицию. Дело не только в особенностях формального характера летописной работы, самих летописных литературных памятников. Дело в том, что древнерусское летописание было теснейшим образом связано с экономическим, социальным, политическим и культурным развитием страны. Оно развертывалось как составная часть этого процесса, как необходимый, созидающий, творческий элемент в этом процессе, отражая в своем развитии историю всей страны, всего народа. Я имею в виду в данном случае не конкретное содержание летописных известий как свидетельств о прошлом, а ход развития самого летописания. Характерная черта средневековой истории — ее областной характер, значительная роль областных центров в процессе развития народа. Древнерус-

* Печатается по: Исторические записки. 1946. № 18. С. 255–294.

ское летописание развивалось, в сущности, именно как областное летописание: мы знаем летописание киевское, черниговское, галицко-вольнское, ростовское, владимирское, московское, тверское, новгородское, псковское и т. д. Оно возникало в новых областях с экономическим и политическим ростом этих областей и отражало в себе особенности их развития.

Можно определить особые типы летописания, соответствующие местным условиям развития. Во Владимире-Залесском, например, летописная работа, начавшаяся при Успенском соборе и носившая вначале как будто черты летописания городского, очень быстро стала в полной мере летописанием княжеским или, вернее, великокняжеским. В Новгороде видим следы и летописания княжеского и владычного, причем преимущественно последнего. В Пскове оно сложилось как летописание боярско-вечевое. Но внутренняя история отдельных областей не протекала изолированно. Это все же был единый процесс развития страны, народа, и сама областная жизнь представляла собою особый этап на пути развития народа, страны как целого. История летописания также представляет собою в известном смысле единый процесс. «Повесть временных лет» из Киева переходит и на северо-восток и на запад. В Новгород переносится не только «Повесть временных лет», но и «Начальный свод». И даже когда Киев утерял свое значение, а затем ушел с поля зрения северо-восточных и северных областей, древне-киевское летописание еще сохраняло свое цементирующее, объединяющее значение рассказа о происхождении русского государства и народа, о его родстве с другими славянскими народами. Образование Московского государства, как единого, централизующего национального государства, назревало с ростом не только Москвы, но и других княжеств и областей, и новые назревавшие явления отражались в сознании не только московского общества, но и общества областных культурных центров.

История летописания в свете этих событий также приобретает общий интерес. Псковское летописание, например, историки (Костомаров, Иконников) считали узко местным, а первый владимирский общерусский свод относили к XIV в. (Шахматов) или к началу XV в. Это не совсем верно. Еще в XII–XIII вв. местное владимирское летописание на северо-востоке стало приобретать общерусский облик. С татарским нашествием кругозор составителей летописных сводов на северо-востоке суживается¹. Но в XV в. появляются общерусские своды в Москве, во Владимире, в Новгороде, а в середине того же века — большой летописный свод в Твери, далеко не узко местный по составу и отражавший политическую проблему общерусского значения. Аналогичные в некоторой степени устремления мы наблюдаем и в псковском летописании XV в. Областное летописание, таким образом, можно назвать областным (последнее обычно противопоставляют центральному в отношении широты интересов) только условно.

Конечно, не везде и не всегда летописная работа имела или получала то значение, о котором мы сказали выше. И ведение погодных записей и переписывание летописных сводов было, прежде всего, делом рук «книжных писателей», для которых постижение прошлого служило осуществлению религиозно-нравственной задачи. Теми же мотивами руководились, видимо, в иных случаях и при составлении новых летописных сводов,

новых летописных компиляций, соединяя подчас летописный материал, вышедший из взаимно враждебных политических лагерей, различный по общественно-политическим настроениям и противоречивый. Летописные своды такого типа не могли получить широкого распространения и дошли до нас в немногих списках. К ним принадлежит, например, Рогожский летописец XV в., дошедший до нас в единственном экземпляре.

Но развитие русского летописания с самого начала и до позднейшего времени стояло в зависимости от роста общенародных потребностей и от игры страстей общественно-политической жизни с ее борьбой отдельных социальных групп и организаций. Где бы ни начиналась летописная работа — при монастыре или при церкви, она в той или иной мере приобретала новое, более широкое значение. По областям летописание нередко начиналось при патрональных храмах. И самое дело воссоздания прошлого не могло не касаться насущных нужд народа, а то или иное освещение событий не могло не затрагивать интересов правящих классов, общественных учреждений и отдельных деятелей. Притом церковная и монастырская жизнь средневековой Руси была тесно связана как с частным, так и с политическим бытом. Летописная работа при некоторых монастырях и патрональных храмах принимала значение официального дела, получала покровителя в лице князя или митрополита или, наконец, того правительственного боярского круга, который руководил вечевой жизнью города. В таких случаях бывало, что работавшим над составлением сводов открывались государственные хранилища, архивы. Составление летописного свода в том или ином княжестве могло вызвать прямой заказ на летописный материал монастырю. Так, например, дошедший до нас Лаврентьевский свод второй половины XIV в. представляет собою список великокняжеского свода 1305 г., сделанный монахом Лаврентием для великого князя нижегородско-суздальского Димитрия Константиновича: «Началь есмь писати книги сия, глаголемыи Лѣтописець... князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дионисья». Можно обосновать предположение, что готовился материал для составления в Нижнем Новгороде (а не в Суздале) свода в период возвышения Нижегородско-Суздальского княжества и его борьбы с Московским и надо было иметь летописный текст, не проредактированный московской рукою. Но победа Москвы отнюдь не стимулировала летописную работу в Твери или в Нижнем Новгороде и тем более распространение существовавших тверских или нижегородских летописных сводов. Нет ничего удивительного, что до нас не дошло ни одного тверского летописного свода, как не дошло и образцов древнего летописания в Нижнем Новгороде. Летописные своды могли принимать целеустремленную литературную конструкцию, как, например, восстанавливаемый тверской летописный свод середины XV в., отражавший идею Твери — третьего Рима².

Нет ничего удивительного также, что в условиях обостренной социально-политической борьбы летописный свод, составленный в монастыре, мог отражать и настроения известного социального слоя, оппозиционного господствовавшей власти, как, например, свод, составленный в Псково-Печерском монастыре в XVI в. Нам известен только оригинал этого свода: не известно ни одного списка.

Вместе с тем воссоздание прошлого с самого начала было делом развития народного самосознания, возбуждавшего интерес к прошлому и вызывавшего работу историка. Летописание служило также народной потребности к объединению, особенно, например, в московской летописной традиции. Наконец, летописание служило и средством мобилизации сил для борьбы с иноземными захватчиками. Такое значение, например, приобретало псковское летописание, сводившее богатый материал по истории борьбы с немцами и, конечно, летописание других областей.

Изучение истории летописания позволяет критически оценить летописные своды прежде всего как собрания свидетельств о прошлом, а также в качестве памятников письменности. Но, кроме того, изучением истории летописания летописные своды раскрываются в качестве остатков прошлой деятельности народа в его борьбе за свою самостоятельность и за единство, как осколок социально-политической жизни прошлого, как остаток деятельности отдельных учреждений страны. Так, изучение составленного в Псково-Печерском монастыре псковского свода 1567 г., о котором мы говорили выше, определение его как свода игумена Корнилия, казненного Грозным, открывает новый источник по истории социально-политической борьбы в XVI в.

II

Академик А. А. Шахматов мало уделил места псковским летописям в своих замечательных трудах по истории русского летописания. В «Обзрении русских летописных сводов XIV–XVI вв.» Шахматова не находим главы, посвященной псковским летописным сводам. Две небольшие статьи Ивана Тихомирова о псковском летописании являются скорее обзором содержания Псковской 1-й летописи, чем попыткой воссоздать историю псковского летописания.

Тем не менее изучение псковских летописей имеет свою историю. Еще М. Погодин, впервые издававший псковские летописи, дал несколько замечаний об их составе (1837). В «Лекциях» по источниковедению Древней Руси Н. Костомарова (1861) были высказаны им некоторые наблюдения над летописанием Пскова. В «Опыте русской историографии» Иконникова (1908) псковским летописям посвящен особый раздел, представляющий собою историографическую сводку, в части своей – оригинальное исследование.

Два основных вопроса истории псковского летописания – о начале его и о составе общего протографа псковских летописей – подымались, но не подвергались специальной разработке. Погодин думал, что первый псковский летописец сократил новгородскую летопись и к ней приписывал «собственно псковские происшествия»³. Костомаров полагал, что сказание о Довмонте под 1265 г. есть «первое подробное и самобытное сказание псковское», однако, по его мнению, вероятно, что псковское летописание велось и до того, исстари⁴. Он дал определение общему характеру псковского летописания, его задачам: «Характер рассказа псковской летописи указывает, что это были официальные записи, которые велись, по обычаю, при главном центре управления,

вероятно при св. Троице, и даже служили иногда для решения юридических вопросов. Писательство во Пскове было значительно развито, ибо неоднократно псковитяне ссылаются на грамоты князей и разные письменные акты. Видно, летописи были также видом этих официальных бумаг и служили для справок; оттого-то в них так усердно записывались всякие постройки, не только церковные, но и гражданские»⁵.

Ив. Тихомиров отметил, что свод псковских летописей, известный под названием Псковской 1-й летописи, составлен из разных источников. Он предположил, что события записывались в Пскове в разных местах. К числу первых псковских записей Ив. Тихомиров относил известия об изгнании Всеволода Мстиславича из Новгорода, о посадении его в Пскове и о смерти⁶.

Попытку определить некоторые не дошедшие до нас псковские своды сделал А. А. Шахматов. Он, во-первых, обосновал предположение о существовании свода 1481 г. преимущественно в результате изучения Строевского списка⁷. Во-вторых, Шахматов высказал догадку о том, что Псковская летопись, соединенная с хронографом, доходила некогда только до 1509 г. включительно. Шахматов предположил, что известный старец Филофей, будучи редактором хронографа 1512 г., опустил в нем летописные известия событий 1452–1508 гг. и заменил Псковской летописью (до 1509 г.); эта летопись была продолжена до 1547 г. Шахматов предположил также, что в основание псковского свода 1567 г. была положена летопись до 1482 г., которой пользовался и Филофей, и Филофеева летопись 1482–1509 гг. с продолжением до 1547 г.⁸ Следует отметить, что в статье в «Новом энциклопедическом словаре» Шахматова о летописях эти его предположения не отразились.

В сущности, Шахматов — единственный исследователь, сделавший попытку частично построить историю псковского летописания. Но в данном случае фундамент строения не был прочным: Шахматов ссылался на состав Бальзеровского списка или, вернее, отрывка; между тем, этот отрывок до последнего времени остался необъясненным. В книге «Псковские летописи» мы показали, что Бальзеровский список является фрагментом большого летописного свода, представлявшего собою новгородско-софийскую переработку Новгородско-псковского свода 1547 г.⁹

В. С. Иконников развил мысль Костомарова, показав убедительно на материале, что псковское летописание велось при церкви св. Троицы. Он решительно высказался против предположения Шахматова о том, что Филофей продолжал хронограф псковской летописью¹⁰. Он полагал (как увидим, ошибочно), что составителем свода, кончающегося 1547 г., был игумен Псково-Печерского монастыря, известный Корнилий¹¹. Иконников полагал, что Псковская 1-я и Псковская 2-я летописи «пользовались, вероятно, одним главным источником, который заключал в себе более обширную Псковскую летопись»¹². Иконников думал, что главным источником для Псковской 1-й летописи была Новгородская 1-я летопись «почти на всем ее пространстве (1054–1433)», что один из источников Псковской 1-й летописи, кроме того, является и источником других новгородских летописей и Софийской 1-й летописи и что источником Псковской 1-й летописи послужил также не новгородский летописный материал¹³.

Но состав протографа Псковской 1-й летописи не считался выясненным. Шахматов в статье, помещенной в «Новом энциклопедическом словаре», отметил, что в основании Псковской 1-й летописи лежит свод XV в., но «состав этого свода ближайшим образом еще не определен».

В предполагаемом исследовании мы попытаемся пролить свет и на вопрос о составе того псковского летописного свода, который послужил источником всех дошедших до нас псковских летописей, и на вопрос о начале псковского летописания.

III

Псковское летописание XVI в. отразилось в текстах двух различных литературных памятников: во-первых, свода 1547 г. и, во-вторых, свода 1467 г., продолженного до середины XVII в. Свод 1547 г. не дошел до нас в оригинале. Не сохранилось его начала, но текст этого свода XVI в. почти полностью уцелел, как видно из сравнения списков Погодинского и Оболенского Псковской 1-й летописи, изданной в 1941 г. Свод 1467 г. представлен известным Строевским списком и дошел до нас, как явствует из нашего исследования, в оригинале. Согласно новой классификации, он лежит в основании Псковской 3-й летописи¹⁴.

Кто был автором свода 1467 г.? Уже во введении к изданию I тома «Псковских летописей» я отметил, что рассмотрение приписки на л. 239–239 об. и летописных известий в части с 7061 г. приводит к предположению о принадлежности Строевского списка Псково-Печерскому монастырю, причем я обратил внимание, что одно из известий указанного ряда говорит о решающей роли известного игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия при взятии Вельяна.

Данные, извлекаемые изучением Строевского списка, особенно последних статей его, в совокупности с показанием «Повести о Печерском монастыре иже во Псковской земли...», составленной в 80-х годах XV в., дают основания предполагать, что составителем Строевского списка был игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий, погибший насильственной смертью в 1570 г., что этот список был написан если не им самим, то под его руководством.

Рассказав о нашествии Стефана Батория под 7089 годом, о том, как тот «прешед реку Череху ста во ополчении со всъмь воинством оу монастыреи святого Спаса на промѣщицы и святых мученикъ Флора и Лавра», автор «Повести» прибавляет: «о сем же за 14 лѣт прежде помянутый игумень Корнилии свидѣтельствуя в книзѣ в лѣтонаписании своем сице повѣда». И затем мы читаем описание видения, переданное почти дословно так, как мы его находим в Строевском списке под последним годом, т. е. как раз за 14 лет до нашествия Батория. Приведем параллельно оба текста, слева — из Строевского списка, а справа из «Повести» (Синод. собр. 564):

В лето 7076-го сентября видѣша сторожи у Череского мосту в нощи свѣт и людеи многое мно-

В лето 7076-го сентября месяца видѣша, рече, сторожи оу Черощскаго мосту в нощи